АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XVII

Е. И. БОБРОВА

Вопросы текстологии в современной итальянской науке

Giorgio Pasquali. Storia della tradizione e critica del testo. Seconda edizione con nuova prefazione e aggiunta di tre appendici. Firenze, Le Monnier, 1952, 525 стр.

Одной из основных проблем современного советского литературоведения является проблема публикации литературных и исторических памятников прошлого, в частности памятников древнерусской литературы. В связи с этим возникает ряд вопросов, решение которых требует теоретического обоснования и твердо установленного метода. Кардинальный вопрос, без которого никакая публикация никакого литературного или исторического произведения невозможна, — это вопрос подготовки текста и выбор той его редакции, которая наиболее точно воспроизводит первоначальный текст памятника. Но подход к выбору такой редакции может быть разный. Именно различие во взглядах на методы подготовки к изданию древних текстов и вызвало в течение последних лет обсуждение этих методов в советской печати.[1] Поэтому мы считаем своевременным и полезным познакомить советских читателей с одной из наиболее солидных и серьезных современных книг по теории критики текста, вышедших за рубежом, принадлежащей перу крупного специалиста по классической филологии, профессора Джорджо Паскуали, многие годы занимавшегося преподаванием и воспитавшего целое поколение молодых исследователей древности.

Второе издание труда Паскуали, выпущенное в 1952 г. во Флоренции издательством Ле Монье, хотя и является стереотипной перепечаткой первого издания 1934 г., но снабжено новым предисловием автора и тремя прибавлениями, помещенными в конце книги. В этом новом предисловии (стр. IX—XXIV) Паскуали излагает историю написания своей книги, возникшей из рецензии, напечатанной Паскуали в № 5 журнала «Gnomon» в 1929 г., на книгу Пауля Мааса «Критика текста»,[2] и высказывает параллельно несколько основных, принципиальных положений, на которых мы позволим себе остановиться.

Уже в рецензии 1929 г. Паскуали посвятил книге П. Мааса лишь 11 страниц, а затем перешел к обсуждению вопроса о том, насколько кри-

[1] Имеем в виду главным образом статью А. А. Зимина «О приемах научной реконструкции исторических источников X—XVII вв.» (ИА. М, 1956, № 6, стр. 133—143) и статьи Д. С. Лихачева: 1) «По поводу статьи В. А. Черныха о развитии методов передачи текста исторических источников» (ИА. М., 1956, № 1, стр. 188—193); 2) «К вопросу о реконструкциях древнерусских текстов» (ИА. М., 1957, № 6, стр. 154—166 критика А. А. Зимина); 3) «Об исторической и формальной классификациях списков древнеславянских памятников» (Славянская филология. Сборник статей. М, 1958, стр. 264—274).

[2] Paul Maas. Textkritik Leipzig u. Berlin, Teubner, 1927.

тика текста как у Мааса, так и в концепции других современных ученых отличается от классической критики текста Карла Лахманна, ярким примером которой являются первые страницы его комментария к Лукрецию. Желая опровергнуть метод Лахманна, Паскуали уже тогда старался на примерах доказать, что нельзя реконструировать текст литературного произведения, дошедший до нас от древности, путем сопоставления и оценки свидетельств традиции, если не знать превратностей, которые последовательно претерпевало это произведение до его выхода в свет в течение веков вплоть до сохранившихся свидетельств. В специальном вопросе о «вариантах автора» Паскуали уже тогда перешел границы классической древности и приводил примеры из авторов значительно более новых, для которых такие варианты точно документированы и доказаны. Поскольку рецензия Паскуали заинтересовала широкие круги филологов, считавших полезным распространить ее для пользования молодых ученых и студентов, автор приступил к переработке рецензии в книгу. В результате от первоначальной рецензии почти ничего не осталось, так как, в связи с вновь появившимися работами, Паскуали почти все переделал заново, включив в новую книгу органически, в надлежащем месте, свои статьи, которые в свое время были помещены в журналах.

При изложении Паскуали старался избегать нормативного тона, так как считает, что начинающие предпочитают не узкое руководство, а постановку и разрешение проблем путем обсуждения доводов за и против. Но пусть не предполагают, что в книге Паскуали можно найти общий рецепт для критического издания, каковой, по мнению Паскуали, вообще не существует, поскольку традиция не является механической. Автор старается собрать как можно больше примеров инструктивных письменных традиций, распределив их, по мере возможности, по типам. Такое распределение будет чисто эмпирическим, как эмпирична и условна классификация и в биологии, но таким путем экономится труд.

Главная цель книги Паскуали — убедить читателя, что для реконструкции первичного текста античного автора по имеющимся в распоряжении ученого рукописям необходимо с самого начала рассмотреть их и иметь о них суждение и эта способность суждения не может быть заменена никаким механическим правилом. Работа по подготовке критического издания — работа не механическая, а методическая. Необходимо уметь понимать и интерпретировать авторов, хорошо знать древние языки вообще, язык и стиль каждого автора в частности.

Паскуали приводит примеры из разных эпох, чтобы показать, что метод, применяемый в классической филологии, может быть также применен и для средних веков и для Возрождения, поскольку книга эта найдет отклик среди медиевистов, романистов, германистов и историков, быть может, даже больше, чем среди филологов-классиков. Автор предназначает свою книгу для последовательного чтения, но тот, кому она покажется слишком объемистой, может удовольствоваться двенадцатью параграфами основных положений, названных автором «заповедями». Эти основные положения мы считаем необходимым воспроизвести целиком.[3]

1) Средневековая традиция греческих и латинских текстов не всегда восходит к одному архетипу, средневековому или относящемуся к самому позднему периоду античной эпохи, единственному экземпляру, уже обезображенному ошибками и пропусками. В редких

[3] Частично «заповеди» Паскуали процитированы в нашем же переводе в названной выше статье Д. С. Лихачева «К вопросу о реконструкциях древнерусских текстов» (стр. 165).

случаях бывает, что рукописи восходят прямым путем к оригиналу автора, чаще же они непосредственно или косвенно продолжают путь разных изданий античных текстов.[4] Полагают в общем, что ученые-византийцы IX в. очень редко брали на себя труд переписать древнюю рукопись, майюскул, т. е. капитальное письмо, или, чаще, унциал, внести в нее разделение слов, каждое слово снабдить ударением, а те, которые начинаются с гласной, — придыханием. Такое предположение не имеет значения для латинской традиции, где отсутствуют ударения и придыхания. Даже в греческой традиции оно иногда опровергается фактами. И ничто не мешает вообще предположить, что копии, снятые со средневекового архетипа, сличались (большею частью лишь непоследовательно) с другими древними кодексами, которые не были ни уничтожены сразу, ни исчезли под волшебным воздействием этого единственного, написанного минускулом, архетипа.

2) Византийская эпоха на Востоке, а каролингская и Возрождение на Западе обладали значительно большим, чем это можно предположить, количеством все еще сохранявшихся рукописей классиков. Даже еще во время французского и фламандского чинквеченто и сеиченто[5] губили, теряли и уничтожали ценнейшие кодексы. Тот, кто примет это во внимание, принужден будет предположить, что случаи, когда все рукописи восходят к одному сохранившемуся архетипу, менее часты, чем это можно думать, и потребует более верных, чем обычно, доказательств для элиминации списков (eleminatio codicum descriptorum). В первой половине 19-го века зависимость рукописи более новой от более древней, подобной же традиции, слишком часто скорее предполагалась, чем доказывалась. Совпадение в обычных ошибках и в «вульгаризации» не доказывает родства. В общем, не доказывает родства и совпадение разных свидетельских показаний при подлинном чтении, так как подлинное чтение может сохраниться самостоятельно в разных разветвлениях традиции. Подобным же образом глоттология пользуется теперь для классификации языков, происходящих от одного и того же корня, совпадениями только в новообразованиях.

Но согласимся установить различие между кодексами греческими и кодексами латинскими: греческое сочинение, распространенное на Востоке, попадало на Запад часто в одном-единственном экземпляре. Монастырские же, богатые кодексами, библиотеки здесь на Западе редко бывали потеряны, без того чтобы не осталось следа. Многие тексты во время латинского средневековья были распространены в сотнях экземпляров, так как служили учебным целям. Есть полное основание полагать, что традиция латинских авторов вообще была менее ограничена, чем традиция авторов греческих.

3) По тем же соображениям в традиции латинских авторов всегда априори правдоподобно, что поздние свидетельские показания целиком или частично зависят от источников, отличающихся от того, от которого идут свидетельские показания более древние. Более новый (recentior) экземпляр не есть поэтому более плохой (deterior). Авторитетность свидетельского показания не зависит от его древности.

4) То, что говорится здесь о более новых рукописях, в такой же степени имеет значение и для гуманистических сличений рукописей и

[4] Как в этом случае, так и дальше Паскуали пользуется современным нам словом «издание» (edizione) для обозначения публикаций древности, т. е. выпуска рукописи в свет для общего пользования.

[5] Т. е. XVI и XVII вв.

для печатных изданий, для которых ныне потерянные кодексы также лишь просматривались. Исключение состоит в том, что специально этот последний вид свидетельств требует особой методической осторожности и критического таланта, свойственных лишь очень немногим среди филологов.

5) Произвольные изменения и даже сознательные фальсификации еще недостаточны, чтобы скомпрометировать более новую рукопись, гуманистическую сверку, печатное издание, источники которого не все сохранились. Те, кто, как Лахманн, отказывается пользоваться кодексами с интерполяцией, рискует потерять и непосредственную традицию. Для такой задачи также необходимы особая осторожность и очень редкие природные качества.

6) Считать, что традиция древних авторов всегда механична, — предрассудок. Она механична лишь там, где переписчик мирится с тем, что он не понимает текста. Многие эпохи и многие области не соглашались оставить текст таким, каким они его получили, а делали его более ясным, приспособленным к своему вкусу, прикрашенным. Из этой истины должен извлечь пользу не только критический разбор (recensio), а и исправление текста (l'emendatio): более легкая в палеографическом отношении догадка почти никогда не бывает более вероятной, если она имеет дело с текстами, переданными не механически. Что касается критического разбора, то лишь в относительно редких случаях механической традиции возможно, если наши кодексы восходят к архетипу, применить критерии элиминации списков, сами по себе механические, сформулированные Лахманном, — там же, где изучение не ограничено, применимы только критерии внутреннего порядка.

7) Считать, что передача текстов происходит исключительно по «вертикали», — предрассудок; часто, и в текстах, много читаемых, и в текстах учебных в собственном смысле слова можно было бы сказать всегда, она идет «поперек» или «горизонтально», т. е. разночтения, будь они хорошие или плохие, также и ошибки, которые нам казались бы очевидными, при сличении часто проникают в рукописи. Только лакуны, по крайней мере как правило, передаются непосредственно.

8) Подобно тому как это уже установлено в лингвистике, что наиболее древние стадии сохраняются дольше в периферийных зонах, и потому совпадение двух удаленных одна от другой периферийных зон в какой-нибудь фонеме, форме, термине, конструкции является гарантией их древности, точно так же и совпадение вариантов текста в кодексах, написанных в зонах, удаленных от культурных центров и далеких друг от друга, укрепляет предположение о непосредственности этих вариантов текста. Часто как в древности, так и в средние века из текстов, которые много читались, создавалась «вульгата», которая, как это бывает с модой, продвигалась от центра к периферии, но не всегда до нее доходила. Этот «географический метод», к сожалению, редко может быть применен к греческой традиции, потому что мы еще не научились распознавать провинциальное письмо. На Западе этот метод парализован живой связью, существующей между монастырями разных провинций, но принадлежащих к одному ордену. Здесь «географический метод» заменяется «географическим критерием», который пытается выяснить сложное развитие таких связей между монастырями. Применение этого метода будет тем легче и тем безошибочнее, чем далее вперед будет идти история

церковной культуры (т. е. вообще культуры) позднего средневековья.

9) Разночтения, даже ошибочные, могут быть значительно более древними, чем содержащие их рукописи, даже если можно доказать, что эти последние все восходят к одному, пусть даже средневековому, архетипу. Средневековые архетипы могут содержать чередующиеся разночтения, как это бывает с папирусами, и в таком случае должны рассматриваться как сосуды с собранием таких разночтений. Разночтения могут, как мы видели, также проникнуть в отдельные копии с архетипа при сличении их с не зависящими от него рукописями. Все же более обычным является уже рассмотренный случай, когда родственные группы средневековых рукописей больше следуют изданиям античных текстов (или портят их).

10) Папирусы для греческой традиции, античные ссылки для латинской показывают, что уже в древности в отношении много читаемых авторов каждый экземпляр представлял своего рода отдельную публикацию, т. е. сочетание каждый раз по-другому расположенных предшествующих разночтений, подлинных и ошибочных. Уже в древности начался процесс порчи, уравнивания между различными традициями, процесс, который иногда приводит к созданию какой-нибудь «вульгаты». Эти обстоятельства объясняют, почему папирусы, которые в одном случае восстанавливают подлинное, затемненное в средневековых традициях прочтение, потом совпадают с его ветвями и ответвлениями в отдельных искажениях.

11) Но если для греческой традиции эти примеры архетипов, принадлежащих еще древности, не являются несомненными, то для латинской традиции, как кажется, такие архетипы отрицать нельзя. Они будут принадлежать годам, которые непосредственно следуют за периодом одновременно и наиболее бурным и наиболее жалким императорской эпохи, именно между падением Северов и основанием деспотии, 235—284.

12) Изучение древних свидетельств и немногих папирусных автографов, анализ исторических сочинений (или содержащих исторические данные), сохранившихся в разной форме в различных рукописях, аналогия средневековых текстов, для которых у нас имеется традиция, современная их авторам, особенно тексты Петрарки и Боккачио, делают законной гипотезу, что разночтения, самые яркие по своей природе (очень интересную группу составляют разночтения собственных имен, подлинных или фиктивных), в античных сочинениях также могут быть возведены к самим авторам. Эта гипотеза в некоторых случаях может быть доказана неукоснительно.

Таковы двенадцать «заповедей», в которых Паскуали кратко изложил свои взгляды на критическое изучение текстов древних авторов. Нетрудно заметить, что в основном он стремится доказать порочность метода Лахманна, противопоставляя ему необходимость изучения всех сохранившихся разночтений и категорически отрицая возведение рукописи к одному единственному архетипу. Особенно важным, как он подчеркивает дальше в предисловии, Паскуали считает возможность существования разночтений, принадлежащих самому автору, т. е. наличие разных вариантов авторских рукописей, что в отношении древних авторов почему-то часто не считали нужным принимать во внимание. По-видимому, давно уже устаревший метод Лахманна все же находил себе приверженцев среди исследователей зарубежных стран в первой половине нашего века, поскольку в книге,

предназначенной для начинающих ученых, такой крупный специалист, как Паскуали, уделил опровержению этого метода очень много места и посвятил этому следующую за предисловием первую главу своего труда (стр. 3—12) под заглавием «Метод Лахманна» («Il metodo del Lachmann»).

*

Карл Лахманн (1794—1851), известный текстолог, специалист по древнеримской литературе, будучи профессором в Геттингенском университете, опубликовал в 1816 г. (под датой Геттинген, 1815) критическое издание Проперция, в 1842 г. — Нового завета на греческом и латинском языках, а в 1850 г. — Лукреция. В предисловиях к этим изданиям, а также и на своих лекциях Лахманн изложил те принципы, которыми он руководствовался, осуществляя критические издания текстов. Сущность доктрины Лахманна сводилась к тому, что традиция текста любого из древних авторов всегда восходит к одному, первому, основному тексту, который он называл архетипом. Лахманн не вел никакой полемики, но тем не менее своим методом опровергал существовавшую в его время практику издания древних авторов, при которой часто случалось, что текст исправлялся на основании новейших копий со старых кодексов, причем как эти кодексы, так и копии могли подвергнуться интерполяции, т. е. произвольным исправлениям и вставкам. В этом основная ошибка Лахманна, так как никогда нельзя быть уверенным, что неизвестный кодекс, даже самый новый, не является копией рукописи, текст которой был бы самым подлинным из всех известных текстов этого автора.

Метод Лахманна привел к двум ограничениям в исследовании текста. Во-первых, он с самого начала отказался, а потом провел это на практике, от изучения всей рукописной традиции текста, который подготовлял к изданию (Проперция, например, он издавал только по двум кодексам — геттингенскому и вольфенбюттельскому), Во-вторых, он не обращал внимания на то, чему современные филологи придают особое значение, — на элиминацию списков (l'eliminatio codicum descriptorum), т. е. отбор и отстранение при исследовании текста тех сохранившихся копий, которые явно не могут быть использованы при издании данного текста.

Далее, Паскуали довольно подробно останавливается на рассмотрении предисловий Лахманна к предпринятым им изданиям, подчеркивая, что в предисловии к изданию Нового завета он даже предвосхищает некоторые выводы позднейших критиков, в частности утверждая, что победившие нововведения распространяются большею частью радиусом от центра к периферии, но не всегда ее достигают, так что, если какое-нибудь разночтение засвидетельствовано в двух периферийных в отношении центра пунктах, весьма вероятно, что оно является первичным, еще не переделанным текстом.

Таким образом, стоя принципиально на другой точке зрения в отношении метода критической работы над текстом рукописей, Паскуали все же признает за Лахманном заслугу серьезных текстологических исследований, иногда даже опережающих его эпоху.

*

Вторая глава книги Паскуали (стр. 15—21) под заглавием «Всегда ли существовал архетип?» («Ci fu sempre un archetipo?») тоже направлена против Лахманна, метод которого, как уже указывалось ранее, основан на

уверенности, что традиция каждого автора всегда и во всех случаях восходит к одному единственному, уже испорченному ошибками и лакунами экземпляру, который он называл архетипом. Паскуали не отрицает, что такие случаи возможны, но не считает, что так случается всегда. Он пишет: «Что большею частью бывает именно так, никто не сомневается, как показывают очевидные ошибки в тексте, можно сказать, у каждого древнего автора, общие всей традиции; и если бы не было так, не возникла бы критика для их исправления, потому что, разбираясь, т. е. сопоставляя разночтения, можно добраться до оригинала». Но затем он подчеркивает: «Кто хорошенько поразмыслит, тому должно казаться невероятным, что каждый раз от каждого сочинения, все еще сохранившегося, в средние века (на Западе и в Византии) был спасен один экземпляр, а остальные погибли вместе с падением античной цивилизации».

Паскуали не дает никакого своего определения для архетипа, а только то, которое дается Лахманном, т. е. что это единственная копия с подлинника, к которой Лахманн возводит все остальные, более поздние копии. Паскуали только оспаривает такое возведение обязательно к архетипу, а не к оригиналу. Он говорит, что Маас (Paul Maas. Textkritik) идет слишком далеко, когда утверждает, что не существует хоть сколько-нибудь значительного классического текста, копии с которого восходили бы к оригиналу непосредственно, а не через архетип, тогда как Паскуали считает доказанным обратное, т. е. что многие тексты восходят прямым путем (recta via) к оригиналу автора, а не через единственную, испорченную ошибками копию.

Паскуали называет незаконным утверждение Лахманна, когда тот регулярно признает существование архетипа, если в независимых друг от друга рукописях есть общие, порочащие их места. Законным это утверждение будет лишь в том случае, если ограничиться сопоставлением ошибок, не идущих навстречу друг другу. «Очевидно, — пишет Паскуали,— что даже если все рукописи имеют совпадающие ошибки, как это большею частью и бывает, предположение существования архетипа не принесет здесь никакой пользы. Античные издания, которые мы реконструируем соотносятся между собою не так, как соотносились механически копируемые средневековые кодексы. Издатели имели в своем распоряжении запас разночтений, из которых они выбирали. Они часто могли, независимо друг от друга, выбрать одно и то же ошибочное разночтение, могли по невежеству способствовать образованию «по совпадению вульгаты».

Паскуали специально останавливается на характере ошибок, которые обычно случаются при переписке. «Уже почти все признают, — пишет он, — что ряд слов может выпасть, будучи пропущенным в двух рукописях, что полная смысла фраза может быть добровольно опущена двумя переписчиками, без того чтобы каждый раз предполагать здесь происхождение общей лакуны. Но могут случиться также и другие ошибки, как говорится, независимо, случайно в разных кодексах. Признано, что особенности орфографии ничего не доказывают, но некоторые ошибки, как например замена одного слова другим, более известным, немногим отличаются от ошибок орфографических». Паскуали добавляет, что орфография зависит почти столько же от времени копии, сколько и от времени оригиналов, с которых снимаются копии: она не принадлежит к традиции, за исключением того случая, когда идет вразрез с навыками школ переписчиков, и поэтому устаревает.

На протяжении всей главы Паскуали подтверждает свои выводы ссылками на западноевропейские исследования последних десятилетий и примерами из истории издания древних текстов.

*

Третью главу (стр. 25—40), озаглавленную «Элиминация списков» («Eliminatio codicum descriptorum»), Паскуали начинает с рассмотрения вопроса в историческом разрезе, и опять с имени Лахманна, которому, при его подходе к изданию рукописей, почти не приходилось иметь дело с отбором и отстранением от исследования того или иного кодекса. Но уже следующее поколение исследователей чисто логическим путем пришло к выводу, что метод Лахманна неверен, так как вполне возможно, что более новые рукописи копировались с утерянных экземпляров более древних и более достойных доверия, чем сохранившиеся экземпляры.

Непосредственно идущее за Лахманном поколение принуждено было поставить перед собой ту же задачу, которая стоит и перед нами: чтобы дать издание действительно критическое, надлежит систематически обследовать библиотеки и определить ценность каждой классической рукописи. Но эта задача не решена еще и сейчас, а тогда она была просто неразрешима. Поколение, идущее за Лахманном, признало, что большею частью было необходимо, до того как рукопись элиминировать, доказать, что она скопирована с сохранившейся более древней, но считало, что в традициях, где наряду с небольшим количеством древних кодексов существует множество более новых, было большею частью так.

Паскуали решительно отвергает это мнение, как произвольно отделяющее историю текстов от истории судьбы авторов, т. е. от истории культуры. Невероятно, чтобы от текстов, которые читались в школах нашего западного средневековья, случайно сохранились именно все те экземпляры, которые послужили образцом для более новых кодексов. Естественно, что в каждой традиции какая-то часть, и, возможно, бóльшая, утеряна просто по небрежности. Почти то же самое можно сказать и относительно находящихся в наших библиотеках греческих рукописей, которые во множестве медленно просачивались с Востока на Запад с начала XV в. и позднее.

Паскуали приводит, далее, примеры для подтверждения своего мнения, кратко излагая историю рукописей Эсхила и Софокла и методы их изучения, а также «Поэтики» Аристотеля и «Характеров» Феофраста. Он подчеркивает большую трудность подобных исследований, требующих особой тщательности и последовательности.

В середине XIX в. было как будто окончательно доказано, что сохранившиеся в большом числе рукописи XV и XVI в. «Поэтики» Аристотеля, а также и находящаяся во Флоренции, в Риккардианской библиотеке, рукопись, датируемая XIV в. (что для византийского Востока тоже является Возрождением), представляют собою прямые или косвенные копии великолепного древнего кодекса конца X или начала XI в., хранящегося в Париже. Такое положение вполне совпадало с историей культуры: «Поэтика» Аристотеля, на которую обращали мало внимания во время византийского средневековья, получает широкое распространение в эпоху Возрождения. Но в Париже имеется также арабский перевод «Поэтики» Аристотеля, сделанный в первой половине X в. с сирийского перевода, который сохранился лишь в отрывках. Этот арабский текст, несмотря на искажения и ошибки, дает независимую и во многих случаях лучшую традицию, чем парижский кодекс. После того как арабский перевод был в 1887 г. опубликован, а в 1911 г. с него был сделан построчный латинский перевод, выяснилось, что он часто совпадает, и притом не случайно, с рукописью Риккардианской библиотеки, которая до того времени считалась восходящей к парижскому кодексу. Таким образом, это последнее предположение окончательно отпало: в Риккардианской руко-

писи имеется целое предложение, которое выпало из парижской рукописи, но имеется в арабском тексте.

Паскуали считает, что подобные ошибки происходили главным образом потому, что выводы о зависимости одной рукописи от другой делались слишком поспешно, скорее априори, чем путем длительного и тщательного исследования всей рукописной традиции. Он приводит еще несколько примеров из истории древних текстов и обращает внимание на тот факт, что ученые-византийцы, люди, как правило, бедные, имели обыкновение пользоваться для переписки рукописей дешевым материалом, именно бумагой, бомбициной, писали плохими чернилами и мелким шрифтом, но старались точно передать текст, что является особенно ценным, а роскошные экземпляры писались для богатых особ ремесленниками каллиграфии, меньше всего заботившимися о содержании.

Рассматривая разные типы ошибок в тексте, с которыми приходится иметь дело при изучении рукописей, Паскуали отмечает, что для длинных прозаических текстов характерно то, что переписчики пропускают целую строку, что в разных случаях может иметь разное значение для смысла копируемого текста, в зависимости от того, будет ли это повторяющаяся математическая формула или предложение, меняющее смысл повествования. В каждом случае нужен особенно внимательный подход, так как случайное совпадение одной и той же строки в двух рукописях еще не дает права судить о их преемственности.

Что касается текстов поэтических, то тут всегда надо принимать во внимание то, что количество и расположение сколий на странице зависит от имеющегося там свободного места, что всегда может повлечь за собою иное расположение текста при снятии копии.

Паскуали настаивает на необходимости помнить, что греческие и латинские кодексы, составленные до эпохи Возрождения, большею частью написаны каллиграфами, выученными в специальных школах, и их письмо крайне бедно, почти совсем лишено индивидуальных особенностей.

Предположить, что более новая рукопись представляет собою копию рукописи более древней, можно лишь в следующем случае: если при сличении всей более новой рукописи с рукописью более древней не будут найдены признаки, доказывающие преемственность, но в то же время не будут обнаружены ни лучшие разночтения, ни особые расхождения, а также не будет и порчи текста, которая не может идти от более древней рукописи, а заставляет подозревать какую угодно, но отличающуюся, искаженную традицию.

Особенно тщательно нужно относиться к рукописям смешанного характера, сборникам, содержание которых в целом обязательно должно приниматься во внимание при изучении отдельных, входящих в данный конволют произведений.

Снова подтверждая свои положения примерами из истории изучения рукописей и публикаций последних десятилетий, Паскуали в конце главы еще раз пишет о том, что работа над элиминацией списков — не для тех, кто привык спешить и торопиться с выводами, что только длительное изучение всех излучин и обстоятельств существования рукописей в веках может привести и привело многих современных ученых к результатам, позволившим им исправить ошибки, допущенные прошлыми поколениями исследователей.

*

Четвертая глава (стр. 43—108), озаглавленная «Более новые, не более плохие. Гуманистические сличения и первые издания» («Recentiores, non

deteriores. Collazioni umanistiche ed editiones principes»), посвящена в основном доказательству условности термина «deteriores» и описанию различных случаев, показывающих, какие методы необходимо применять, чтобы издания рукописей были сделаны добросовестно.

Паскуали пишет: «Или можно доказать, что рукопись во всем без исключения исходит от другой сохранившейся рукописи, и тогда она будет элиминирована,[6] или этого доказать нельзя, и тогда безусловный долг издателя выяснить, в каких отношениях родства состоит она с другими свидетельствами традиции этого сочинения. От этого долга можно отступить лишь в самых исключительных случаях, например когда дело идет о творениях отцов церкви, которые существуют в бесконечном количестве экземпляров и все же содержат очень небольшое число сколько-нибудь значительных разночтений. Здесь текст, вероятно, быстро установился, и достаточно для его реконструкции некоторого числа случайно выбранных кодексов. Здесь критерий превдоподобия большею частью заменяется другим, внутренним критерием, очевидным преимуществом традиции. Все же издатель, позволивший себе сделать такой упрощенный ход, должен сознавать, чем он рискует. Равным образом в общем можно пренебречь кодексами авторов классической древности, относящимися ко времени после XVII в., так как не может быть, во всяком случае в наиболее цивилизованных частях Европы, чтобы в XVIII в. и позднее были уничтожены или исчезли собрания рукописей, не возбудив никакого шума».

Что касается новейших рукописей, то, несмотря на возможную интерполяцию, они все же могут сохранить отсутствующую в других местах первоначальную традицию, тогда как рукописи, относящиеся ко времени до XV в., могут происходить от эпох и из местностей, где интерполяция была в ходу, и потому их преимущество перед кодексами более новыми часто лишь кажущееся. Хотя все это и известно теоретикам, но изменения в практике издателей основаны столько же на теоретических соображениях, как и на практическом опыте. Паскуали останавливается подробно на истории изучения одной, приписываемой Ксенофонту, рукописи, подтверждающей высказанное им мнение.

То, что происходило с греческими кодексами, которые еще были доступны и переписывались в XV в., а потом исчезли, произошло, может быть даже в большей степени, с кодексами латинскими. Несмотря на то что итальянское Возрождение было скорее латинским, чем греческим, поскольку итальянские гуманисты и знали больше и интересовались больше латынью, чем греческим, все же вновь найденные латинские кодексы не хранились с достаточной заботой. Происходило это потому, что гуманисты видели в рукописи не документ, а только новый текст. Если этот текст точно был скопирован, рукопись теряла для гуманистов почти всякую цену. Нужен был многовековой опыт, чтобы убедить ученых, что в каждой скопированной или сверенной рукописи обнаруживаются пропуски и ошибки.

Если во времена первого Возрождения часто кодекс с новым произведением копировался только один раз и часто, т. е. почти всегда, он был труден для чтения, то все последующие копии снимались не с оригинала, а с этой первой копии, так что оригинал не употребляли, и он часто оказывался утерянным. Распространение книгопечатания принесло исключительно большой вред очень хорошо написанным кодексам: если рукопись

---

[6] Если только копии не могут помочь заполнить лакуны оригинала, появившиеся после переписывания, или восстановить чтение его, которое позднее было изменено правщиками, и в этом роде.

была не слишком трудна для понимания, типограф без колебаний отправлял ее в типографию, откуда она могла и не вернуться.

Притом копии лишены большею частью всяких указаний, откуда они произошли, тогда как люди, сличающие рукописи, часто указывают, где они видели оригинал, а иногда и описывают его. Рукописи, лучше отождествимые, не являются лучше реконструируемыми: одна полная копия или, лучше, многие независимые копии создают вокруг оригинала более широкие и надежные свидетельства, чем сличения, в особенности древние сличения, относительно которых мы не знаем, насколько они удались или даже насколько они могут считаться полными. Наоборот, различные сличения одного и того же экземпляра, а это случается часто, больше запутывают, чем проясняют.

Далее, Паскуали приводит несколько примеров изучения гуманистами кодексов с произведениями латинских авторов — Горация, Корнелия Непота, Евтропия, Тертуллиана, Плиния Младшего, Цицерона, Петрония и др.

При этом степень точности у гуманистов, сличавших рукописи, была разная, независимо от того, были они одни из первых на этом поприще или нет, точно так же как и у переписчиков, — небрежность и тех и других вызывала возмущение у самих гуманистов. Тем не менее Паскуали считает, что сличение, даже при всем его несовершенстве у гуманистов, было все же необходимо и приводило иногда к интересным результатам. Приходится принимать во внимание определенные, распространенные в эпоху Возрождения навыки в обращении с рукописями, обусловленные исторической обстановкой того времени, и не осуждать гуманистов с точки зрения современной текстологии.

Опыт показывает, говорит Паскуали, что чем больше разночтений будет замечено, тем большее число их ускользает от сличающего. Паскуали обращает также внимание на то, что современные нам филологи, когда сличают рукопись с печатным текстом, имеют обыкновение читать сначала печатную фразу, а потом уже рукописную, так как печатную читать легче. Это является источником бесконечных ошибок, так как, имея все время перед глазами печатный текст, они бессознательно подменяют им текст рукописный. Затем он приводит примеры, когда исследователи, работавшие над сличением рукописей уже в XX в., несмотря на проявленное ими внимание и терпение, все же допускали пропуски и ошибки.

«Сознательность никогда не повредит, — говорит Паскуали, — будет полезно, если мы сделаем как можно более точным понятие о ценности каждого отдельного сличения утерянных рукописей, которым мы должны пользоваться. Невозможно дать общие правила, но можно иметь в виду некоторые факторы, которые увеличивают или уменьшают достоверность».

Во всяком случае надлежит принять во внимание, что достоверность сличения в одинаковой степени изменчива как при гуманизме, так и в наши времена и никак не идет в ногу с их славой: крупные ученые были посредственными сличителями и наоборот (Паскуали доказывает это на примерах).

Ученые, можно сказать, до вчерашнего дня каждый раз, когда текст был записан с других рукописей, публиковали из своих кодексов лишь разночтения, которые, по их мнению, его улучшали. Это было естественно и законно: до Лахманна кодекс имел ценность исключительно из-за его хороших разночтений, тогда как ошибки не могли интересовать критика. Начиная с Лахманна и позднее положение совершенно меняется: ошибки, лакуны, интерполяции должны сообщаться целиком, так как объясняют филологу, какое место уготовано этой рукописи в родословном дереве

кодекса (stemma codicum), а это место в свою очередь определяет ценность отдельных разночтений, определяет по крайней мере, может ли какое-нибудь разночтение, кажущееся хорошим, быть традицией или оно должно быть лишь догадкой. Для Лахманна авторитет разночтений зависит от авторитета содержащего их кодекса; для гуманистов и, можно сказать, для всего XVIII в. разночтения имеют ценность сами по себе.

Паскуали называет компиляторскими как издания текстов, подготовленных гуманистами, так и издания классиков позднего времени, вплоть до Лахманна, так как печатался древний текст, почерпнутый из многих источников, без систематического указания, откуда идут те или другие разночтения. Это относится и к первым изданиям (editio princeps), которые часто осуществлялись по рукописям. Даже если такое издание шло по одной рукописи, издатель все же вносил в нее кое-какие поправки, казавшиеся ему незначительными. Современный издатель прекрасно знает и может всегда проверить, какие разночтения в предыдущем издании относились к традиции, какие — к догадкам; издатель далеких веков не знает этого и об этом не думает.

Всякий раз, когда первое издание (editio princeps) давало предположительную редакцию и она сохранилась в новом издании, пересмотренном по другому кодексу, возможно: 1) что предположение подтвердилось новой рукописью, т. е. вероятной традицией, или по крайней мере выдало себя за таковую; 2) что новая рукопись содержит те же самые искажения в том, что легло в основу первого издания; 3) что она дает другую редакцию, в равной степени искаженную, или что она показалась таковою издателю.

Если редакция первого издания, сохраненная в новом издании, была взята у традиции, остается сомнение: 1) подтверждается ли она новым кодексом 2) или, наоборот, он дает другую редакцию которая издателю показалась худшей.

Паскуали заканчивает эту главу примерами изучения латинских рукописей — Аммиана Марцеллина и Цицерона — учеными XVI в. и позднейшими исследователями.

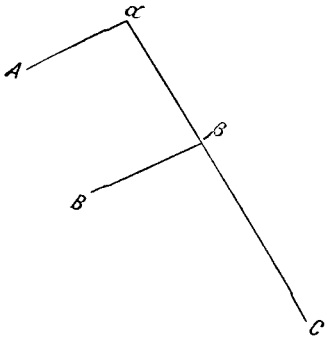
*

Глава пятая (стр. 112—183) — «Механическая традиция и средневековые разночтения» («Tradizione meccanica e varianti medievali») снова возвращает нас к методу Лахманна, о котором Паскуали говорит, что в том виде, как он изложен на первых страницах комментария Лахманна к изданию Лукреция, он требует чисто механической передачи текста, и только в таком случае метод Лахманна может применяться с успехом, ибо сам он является почти чисто механическим. Метод этот если и не стремится уничтожить или отодвинуть на второй план мнение редактора, то все же считается с ним не в первую очередь. Это происходит потому, что до Лахманна это мнение почти всегда было произвольным и он так же мало ему доверял, как интерполированным рукописям. Если экземпляры какого-нибудь произведения с уверенностью классифицированы на основании общих лакун и ошибок, то методом Лахманна можно установить, какие разночтения (lezioni) были в архетипе, но при этом не только нельзя их оценить, но даже нельзя разобраться в них в отношении групп тех рукописей, в которых они появились: ведь некоторые сочетания сокращений должны быть подлинными. Например, если от архетипа сохранились или с уверенностью восстанавливаются три непосредственные копии, общее для двух разночтение должно восходить к архетипу. Если из двух

непосредственных копий сохранилась одна, то вторая, утерянная, восстанавливается по двум вторичным копиям (см. рисунок).

Каждый раз, когда *A* совпадает или с *B* или с *C*, общее разночтение идет от архетипа. Но эти соображения применимы только к истории текста Лукреция и в несколько меньшей степени к другим латинским авторам, опубликованным Лахманном, так как Лукреция мало читали в средние века и рукописей его сохранилось немного.

Но тексты, которые в средние века на Западе и в Византии были распространены в десятках и сотнях экземпляров, которые читались, объяснялись, служили образцами в школах, казались настолько легкими, что каждый их мог понять или думал, что может понять, и поэтому мог



попытаться их улучшить. К таким текстам вышеизложенные соображения абсолютно неприменимы по очень многим причинам.

Далее, Паскуали показывает на примерах, как появляются бессознательные и сознательные ошибки при копировании поэтических и прозаических текстов древности («Моралия» Плутарха и «Правила св. Бенедикта»).

Может случиться, что в одной рукописи сохранилась редакция, подвергшаяся сознательным изменениям, но которую мы не можем отбросить, так как традиция другой рукописи искажена лакунами и механическими *ошибками. В таком случае критика (recensio), пройдя предварительную* стадию реконструкции родоначальника, утерянного «субархетипа»,[7] не только не может оставить в стороне суждение (iudicium), но будет состоять именно в суждении. Конечно, при равных условиях нужно предпочесть редакцию, не подвергшуюся интерполяции. Но всякий раз, когда она будет непонятна или возбудит подозрения по другой причине, пусть даже только с точки зрения стиля, придется обращаться к интерполированным редакциям. Придется задать вопрос, являются ли они предположительными, или это в какой-то мере сознательные изменения, или же они представляют каким-то образом вторичную стадию, более позднюю, чем искажения кодексов, которые мы называем первичными (genuini). Здесь на первый план выступает уже не палеографическое сходство, а внутренний критерий.

Редакция более трудная служит обычно источником редакции более легкой, а не наоборот. Эта тенденция еще более бросается в глаза в интерполированной традиции: нововведение, даже если оно кажется невинным, изменение порядка слов способствуют тому, чтобы традиционный текст привести в согласование со схемой, которую копиист считает естественной. Более ясно эта тенденция проявляется в замене синонимов,

[7] По определению Пауля Мааса.

в упрощении сложных синтаксических связей и т. п. Трудно все то, что является непривычным.

Понятия «легкий» и «трудный» не являются абсолютными, и то, что трудно, т. е. непривычно, для нас, может быть легким для людей другой эпохи. Суждение о легкости или трудности редакции будет тем вернее, чем лучше критик будет знать навыки языка и мысли эпохи, которая эту редакцию передала, могла ее создать. Лучшим критиком греческого текста византийской традиции будет тот, кто, будучи превосходным эллинистом, будет также превосходным византинистом. Лучшим издателем латинского автора, сохранившегося в средневековых или послесредневековых кодексах, будет тот, кто так же хорошо будет знать средние века и гуманизм, как он знает своего автора, его язык, его эпоху и язык его эпохи. Такой критик является идеалом, которого никто неспособен целиком в себе воплотить, но к которому каждый обязан стремиться.

Все эти суждения Паскуали высказывает в самом широком их значении, но они приводят его к выводу, что лучше находчивое предположение, в которое верится и чтобы верить в которое имеются побудительные причины, чем механическая система, способная сбить с пути того, кто ее применяет. Как и в предыдущих главах, Паскуали приводит примеры из области изучения текста греческих и латинских авторов, подробно останавливаясь на трудах специалистов-классиков в последние десятилетия. Приводя определения Шварца и Мааса, Паскуали еще раз подчеркивает, что архетип, когда его отождествляют с античным изданием, совсем другое, чем архетип средневековый. Было бы ошибкой, говорит Паскуали, делать вывод об отсутствии архетипа на основании количества и качества вариантов. Ни в одном тексте нет таких многочисленных и таких особенных вариантов, как у Ювенала и Лукана, а существование архетипа с математической точностью доказано и для того, и для другого. Безусловно, что всегда передача текста, «традиция», идет вначале, как это и естественно, по «вертикали». Но едва лишь образуются варианты и ученому, стремящемуся как-то понять свой текст, приходит мысль сопоставить его с другим кодексом, пусть даже непоследовательно, пусть только те места, которые вызывают затруднения, как традиция становится не только «вертикальной», но и «горизонтальной», или «поперечной». Не только первичные варианты, но и ошибки при снятии копии, не признаваемые таковыми, переработки сознательные и, быть может даже чаще, полусознательные, неверные исправления воображаемых ошибок, улучшения текста — все это может при сличении передаваться «поперечно».

Чем в какой-нибудь век ниже культура и чем ненадежнее критика, тем легче некоторые ошибки завладевают постепенно всей традицией, вплоть до того, что заменяют в ней целиком первичную редакцию. Паскуали приводит примеры того, как при исследовании текстов «поперечная» традиция затрудняет изучение.

Среди примеров описывается кодекс Ватиканской библиотеки № 840 — рукопись XIV в. смешанного содержания, написанная на бумаге. В ней имеется письмо Григория Нисского в тетрадке из 14 страниц, приложенной к кодексу. Но в этой тетрадке сохранилось также письмо на греческом языке митрополита русского Иоанна к папе Клименту и список греческих монахов, посвященных в епископы русской церкви при митрополите Феогносте, с датой их возведения в сан. Этот список датируется между 1328—1347 гг. Так что эта тетрадка, писанная для России, написана, вероятно, в России, как, может быть, и весь кодекс.

Распространение традиции по «горизонтали», «поперечно» Паскуали сравнивает с расплывающимся масляным пятном, распространяющимся

во всех направлениях, имея центром место, куда капнуло масло. Но передача рукописей идет не с такой быстротой и не так ровно, как распространяется масло. Поэтому в дипломатической критике правильнее применить принцип лингвистики: если кодекс, написанный на острове Кипре, совпадает в одной характерной редакции с кодексом, написанным в России, допустимо, что эта редакция первична. Нельзя предположить, чтобы один и тот же текст был изменен одинаковым характерным образом независимо один от другого в двух различных странах. Такой «географический метод» Паскуали считает законным, но трудно применимым сейчас к греческим текстам средневековой традиции, что зависит главным образом от невозможности восстановить состав византийских библиотек.

Для латинской традиции положение лучше, так как на Западе библиотеки капитулов и монастырей, несмотря на значительные потери, в основном все же сохранили фонды своих рукописей. Средневековые каталоги сохранились на Западе тоже в значительно большем числе, чем на Востоке.

Кроме того, палеография греческих кодексов, за исключением особых случаев, определяет самое большее век кодекса, а палеография латинских кодексов, во всяком случае тех, которые написаны минускулом, а их огромное большинство, позволяет их и локализировать.

Если не «географический метод» в том значении, какое придает ему лингвистика, то по крайней мере «географический критерий» в общем значении этого слова, может быть применен почти всегда, так как он дает первое указание для группировки. Паскуали заканчивает главу рассмотрением метода Ульриха Кнохе, которого он считает последователем Лахманна.

*

Глава шестая, самая большая (стр. 187—393), озаглавленная «Античные варианты и античные издания» («Varianti antiche e antiche edizioni»), имеет исключительный интерес для специалистов-классиков. Здесь дается громадный конкретный материал по истории изучения текста греческих и латинских писателей с рассмотрением разночтений, определением и характеристикой кодексов на основе высказанных Паскуали в предыдущих главах теоретических положений. Приведены в систему и синтезированы главнейшие труды по классической филологии последних десятилетий с целью облегчить работу в этой области начинающим ученым.

Паскуали подчеркивает трудность определения и датировки разночтений в греческих и латинских кодексах, так как известно, что многое в древности могло быть записано на память, а комментированные преподавателем тексты искажались, когда ученики их переписывали.

Хотя традиция папирусов и не подвержена в общем таким изменениям, Паскуали напоминает, что только совпадение искажений имеет значение. Правильное, т. е. аутентичное, чтение может независимо сохраниться в разветвлениях традиции, не взаимосвязанных и далеких друг от друга, так как оно существовало уже в оригинале, тогда как невероятно, чтобы ряд искажений (исключая наиболее обычные) произошел естественным образом в не зависящих друг от друга экземплярах. Здесь помогает лингвистическая аналогия: то, что идет от оригинала, может сохраниться в независимых и далеких друг от друга зонах, но совпадение нововведений большею частью указывает на прямую связь.

Паскуали начинает свое рассмотрение с греческой традиции и с папирусов светских классиков, поэтов Еврипида, Аристофана, Гомера; затем он переходит к философам и историкам — Платону, Демосфену, Изократу,

Ксенофонту, Геродоту, Фукидиду и Гиппократу. Римских авторов Паскуали начинает с традиции Плавта и Теренция, уделяя им много внимания, точно так же как и знаменитым поэтам Вергилию, Горацию и Овидию.

В этой главе теоретические высказывания Паскуали почти всегда непосредственно связаны с рукописной традицией определенного автора и, следовательно, не могут быть изложены без изложения истории данной традиции. Поэтому мы ограничиваемся в нашей статье тем, что приводим лишь некоторые основные положения Паскуали, имеющие общее значение.

Средневековые семейства рукописей, пишет Паскуали, восходят, даже количественно, к разным сборникам, так как в каждом семействе, даже в каждом кодексе, есть кое-что лишнее и кое-чего не хватает и помещено в разном порядке. Но, поскольку средневековые кодексы очень громоздки, их часто расплетали и иногда плохо составляли вновь — ведь сборник вторично может быть составлен в другом порядке, из уважения к авторитету другого кодекса. Поэтому самые верные свидетельства «основы» кодексов дают признаки, ей предпосланные, даже и в особенности если они с кодексом не согласуются.

В изучении (recensio) рукописи, говорит Паскуали в другом месте, даже если понимать под ним систематическое злоупотребление косвенной традицией, критик не может, даже в самом благоприятном случае, пойти дальше первого издания. Но несомненно, что наиболее глубокие нововведения делаются в текстах до критического издания.

В конце главы Паскуали останавливается на редко встречающемся в латинской традиции случае существования «архетипа с вариантами», который часто предполагался при изучении греческих поэтов. Различие это не случайно, так как писец в средние века на Западе не имел столько причин бояться переписывать кодексы, написанные майускулом, как писец греческий, который был стеснен при этом особенностями греческого языка (необходимостью ставить придыхания и пр.). Если не «архетип с вариантами», то во всяком случае «родоначальник с вариантами» существует, по мнению Паскуали, в традиции рукописи «Комментариев к галльской войне» Юлия Цезаря, которые очень много читались в Каролингскую эпоху.

*

Глава седьмая, и последняя (стр. 397—465), озаглавлена «Оригинальные издания и варианты автора» («Edizioni originali e varianti di autore»). Содержание ее Паскуали поясняет следующими объяснениями. Изучение «античных изданий» должно было убедить, что «античные» варианты народились таким же образом, как и варианты средневековые: если это не простые ошибки при переписывании, то они возникли большею частью благодаря тем же импульсам, которые действовали в средние века, но которые начали проявлять себя сразу после сочинения, сразу после «публикации» оригинала, если здесь уместно говорить о публикации: они состоят из полусознательных изменений, неправильных исправлений действительных или воображаемых ошибок, часто из украшений. Если это вид нововведений, свойственных древности, то это интерполяция в собственном смысле слова, в смысле добавления; интерполяции средневековые, византийские или каролингские, или эпохи Возрождения более скромны и менее бездарны.

Счастливо удалив все эти нововведения, античные и средневековые, мы оказываемся иногда перед каким-то остатком вариантов, которые должны восходить к самому автору. Это бывает исключительно в греческих и ла-

тинских текстах последнего периода Республики или, более часто, в текстах Империи. Причины этих хронологических рамок не совсем ясны.

Эти «варианты автора» должны восходить или к разным изданиям сочинения, которые шли под наблюдением автора и им самим исправлялись (и поэтому все одинаково аутентичны), или к его колебаниям и неуверенности, отразившимся в оригинале или оригиналах. Различие между этими двумя возможностями меньше, чем может показаться с первого взгляда.

Паскуали приводит как пример Цицерона, который исправлял допущенные им в сочинениях ошибки уже после того, как его рукописи были пущены в оборот.

Автор мог, оставив у себя один экземпляр, продолжать над ним работать. Снятая с этого экземпляра со временем копия даст новый авторский вариант сочинения.

Паскуали указывает на письма Гиппократа: среди греческих текстов они дают самый древний пример авторских вариантов, которые ясно отразились в рукописной традиции и были обнаружены при исследовании.

Таким же примером служат в IV в. сочинения Авзония, латинская рукописная традиция которого отражает почти целиком оригинальные издания или «прототипы».

Что касается Марциала, то он сам неоднократно говорил о различных «изданиях» и разных «издателях» своих сочинений. Поэтому вполне можно предположить, что он дополнял и по-новому располагал свои эпиграммы в различных «изданиях».

Паскуали выделяет в особую группу вопрос о вариантах собственных имен, которые могут быть изменены в отдельных рукописях по разным причинам.

Изменению могут подвергнуться имена как действительные, так и вымышленные. Первые часто меняются намеренно, тогда как вторые преимущественно по недоразумению или по ошибке.

Доказывая необходимость изучать варианты автора, Паскуали рассматривает рукописные традиции Ювенала, Лукана и Пруденция, а затем Петрарки и Боккачио. Большое значение в изучении вариантов автора имеет внимательное отношение к маргиналиям и дополнениям, сделанным автором между строк первоначального текста, а также к кодексам, написанным под наблюдением автора, которые могут считаться автографом, так как вполне ему аутентичны.

Паскуали рекомендует издателю классических произведений, имеющих трудную и сложную традицию, практиковаться сначала на издании текстов позднего итальянского средневековья или предренессанса, а потом уже перейти к классикам. Таким образом, он приобретет опыт для работы над многочисленными вариантами изданий, в которых большая роль принадлежит вариантам авторов. Петрарка, любивший работать над стилем своих писем, уже давно отосланных адресату, вносил массу изменений, так что письма теряли свою непосредственность, лишенные всяких случайных выражений и индивидуальности. Рассмотрением Петрарки и заканчивает Паскуали свою книгу.

*

Как уже было сказано в начале нашей статьи, при переиздании своей книги в 1952 г. Паскуали помимо некоторых дополнений присоединил в конце три приложения. Первое приложение — «По поводу недавней книги А. Дена» («A proposito di un libro recente di A. Dain» — рассматривает по

главам книгу Альфонса Дена «Рукописи», вышедшую в Париже в 1949 г.[8] Отметив, что Ден является лучшим знатоком во Франции греческой рукописной традиции, Паскуали указывает, что многие высказывания автора ценны тем, что не встречаются ни в обычных курсах палеографии, ни в введениях к критике текста, ни в университетских курсах, хотя приведенная Деном элементарная библиография недостаточна даже для начинающих. Вся первая глава книги Дена богата точными наблюдениями над характером ошибок, которые допускают писцы при переписывании рукописей, и автор предупреждает исследователей о необходимости особенно тщательно их изучать. Паскуали считает, что ошибки чтения рукописей очень редки, чаще встречаются ошибки слуховые и психологические в узком смысле слова. Ден уделяет также много внимания наиболее известным ошибкам — пропуск коротких слов и перескакивание, когда два одинаковых слова идут одно за другим.

Вторая глава Дена кратко говорит о палеографии и о кодексологии, т. е. науке о рукописях, но Паскуали отмечает, что автор не выдерживает строго различие между этими двумя дисциплинами. Наиболее важное в этой главе, по мнению Паскуали, это стремление автора утвердить разницу в истории развития греческой и латинской рукописной традиции и подчеркнуть, что то, что характерно для первой, не может безоговорочно быть перенесено на вторую.

Третья глава книги Дена говорит о рукописях и о проблеме критики текста. Паскуали отмечает, что в наиболее важной части эта глава уже предвосхищена его книгой (он имеет в виду первое издание 1934 г.), так как поднимает тот же круг вопросов: об архетипах, прототипах и т. д. В частности, что касается архетипа, то под этим термином Ден понимает нечто совсем иное, чем Лахманн, т. е. это «наиболее древний свидетель традиции, где авторский текст записан в той форме, в которой он нам передан». Паскуали считает, что Ден присваивает себе термин «преархетип», тогда как это понятие придумано Паскуали и употребляется им в том смысле, в каком слово «архетип» употреблял Лахманн. То, что относится в книге Дена к архетипу, обычно помещалось под заглавием «древний период передачи текстов». Эта третья глава Дена представляет интерес также и в других своих частях. Ден считает возможным различать традицию александрийскую от традиции пергамена, но Паскуали не считает это доказанным на достаточном материале. Очень соблазнительно предположение Дена, что с эпохи византийского «Возрождения» Фотия крупные константинопольские библиотеки выполняли ту же нормативную функцию, как и александрийские библиотеки в древности, т. е. что один экземпляр сочинений греческих классиков, как только их переписывали новым минускулом, хранился в одной из крупных константинопольских библиотек и мог служить впоследствии для сличения с другими вновь найденными экземплярами. В конце третьей главы Ден дает очерк истории библиотек и рукописной традиции после 1204 г.

Четвертая глава книги Дена посвящена истории издательских методов. Паскуали отмечает остроту и точность характеристик, которые дает Ден, суть которых сводится к тому, что нет непогрешимых методов и что «все случаи являются специальными».

Паскуали считает, что в целом книга Дена обогащает науку многими новыми, меткими наблюдениями.

---

[8] Alphonse Dain. Les manuscrits. Paris, «Les Belles Lettres», 1949 (Collection d'études anciennes). О книге Дена см. также в статье Д. С. Лихачева «К вопросу о реконструкциях древнерусских текстов» (стр. 154)

*

Второе приложение, помещенное Паскуали в конце книги, озаглавлено «Предположение и дипломатическая вероятность» («Congettura e probabilità diplomatica») и рассматривает различные случаи искажения текста по пути от автора к изданию. Паскуали приводит несколько примеров из современной нам итальянской прессы, когда типографией были допущены нелепейшие ошибки от недостаточно внимательного вчитывания в текст статьи автора (Паскуали приводит примеры из своих собственных статей), а также и по чисто психологическим причинам.

*

Третье приложение к книге Паскуали — это его перевод на итальянский язык небольшой статьи Пауля Мааса «Судьбы ангичной литературы в Византии», затрагивающей также и вопросы филологии и критики текста.

*

Книга Паскуали, предназначенная для начинающих исследователей и студентов, не может не быть элементарной в некоторых своих частях. Но благодаря широкому охвату проблем, возникающих перед каждым, кто занимается рукописной традицией, а также благодаря привлечению многочисленных трудов последних десятилетий по изданию текстов исследование Паскуали представляет интерес как для специалистов по классической филологии, так и для филологов вообще. Здесь дается какой-то синтез в очень широкой области науки и систематически излагается история отдельных текстов. Недостатком книги Паскуали, по нашему мнению, является отсутствие точных определений некоторых понятий, которыми автор все время оперирует.

Он не говорит, что он подразумевает под понятием «архетип». Только сопоставляя отдельные места в его книге, можно вывести заключение, что «архетип» в его понимании это не подлинник, а копия с подлинника, иногда даже в том же смысле, в каком употребляет этот термин Лахманн.

Точно так же Паскуали не определяет прямо, что́ именно подразумевает он под реконструкцией текста. Но, прочитав его книгу, понимаешь, что он имеет в виду не создание искусственного, предположительного текста на основании изучения и сопоставления нескольких рукописей, а нахождение этим методом того списка, который, как можно предположить на основе подобных изысканий, является наиболее близким к авторскому подлинному экземпляру.

Поскольку книга Паскуали представляет собою одно из крупных исследований последних десятилетий, нам кажется, что советским филологам полезно будет ознакомиться с ним хотя бы в том кратком изложении, какое дается в нашей статье.